

Ольга ДИКАНОВА

Ольга Фёдоровна Диканова родилась 28 апреля 1951 года в городе Кемерово (Российская Федерация). Окончила медицинское училище, получив специальность фельдшера. Заочно закончила биологический факультет Хабаровского педагогического института. Много лет Ольга Фёдоровна посвятила педагогической деятельности – работала в детских садах и школах. В 1985 году с семьёй переехала в Республику Беларусь (тогда БССР). Является автором ряда книг, сборников поэзии для взрослых детей. Любитель литературы. Поэтесса, прозаик, очеркист. Принимает активное участие в эксклюзивных проектах Гродненского областного отделения Союза писателей Беларуси – Гродненская общественная литературная школа и общественный дискуссионный клуб «Словодром». Живёт в городе Гродно. Пишет на русском языке.

ВОСПОМИНАНИЕ

*Записано Ольгой Фёдоровной Дикановой,
другом семьи Лебеденко*

Лебеденко Иван Дмитриевич родился десятого октября 1926 года в селе Новоселища Полонского района Хмельницкой области (Украина), в многодетной семье. Ваня был старшим из детей. Жители села, небольшого, но зажиточного, от мала до велика трудились в полях. Земля славилась плодородием и сторицей благодарила хлеборобов за заботу. Поля прятались в густых лесах, в которых водилась дичь, в урожайные годы видимо-невидимо росло грибов и ягод. В небольших озерах и мелких речушках можно было наловить рыбы и раков. Отец, Дмитрий Игнатьевич, весьма успешно руководил небольшим общественным хозяйством. Вкалывал вместе со всеми односельчанами и приучал к труду всех детей. Слыл уважаемым человеком не только в своём селе. Как великую беду воспринял народ войну. Всё сломалось. Наступление фашистов произошло стремительно. Не успели понять тяжести трагедии, как оказались в оккупации. В каждой семье – детей семеро по лавкам. Молодые мужчины ушли воевать. В сёлах остались старики, женщины и дети. Но появилось много раненых. Им местное население оказывало посильную помощь. Фашисты рвались вглубь нашей страны и поначалу обходили стороной деревеньки, спрятанные в лесах. Это давало время подготовить землянки, спрятать запасы хлеба и укрыть домашнюю живность в оврагах. Многие понимали, что Дмитрий Игнатьевич не зря остался в селе. Как бы сама собой организовалась местная дружина, охранявшая подступы к деревенькам и хуторам. Впоследствии это спасло много человеческих жизней.

И Иван вместе с друзьями выполнял разные задания. Исполнилось ему на начало войны всего пятнадцать лет. Как бы сами по себе в избах топились печи, и часто пахло свежим хлебом. Потом вдруг кто-то выходил на опушку леса с мешком и исчезал в кустах. Бывало, в село заезжали немцы или полицейские. Но дозоры не дремали. Сельчане успевали спрятаться и увести в лес детей. В соседних сёлах уже кое-кого угнали в Германию. Фронт остановился, а потом покатился назад. Фашисты озверели. Часто мимо проезжали грузовики с карателями, и тогда слышались пулемётные и автоматные очереди. Партизаны не давали спуска врагам. Однажды отец позвал Ваню и сказал, чтобы тот немедленно уходил к партизанам вместе с младшими детьми. На дорогу дал мешок картошки и кусок сала.

–Папа, а ты?

– Мне надо остаться.

Село опустело. И всё-таки нашёлся предатель. Дмитрия Игнатьевича подкараулили на опушке леса с мешком хлеба. На грудь повесили табличку с надписью: ВОР. САБОТАЖНИК. И тут же расстреляли.

Поздно ночью Иван вместе с друзьями похоронил отца. Незаметно мимо села прокатился фронт. Мама с младшими детьми вернулась в хату. Иван помог им обустроиться и сказал: –Мама, мне уже семнадцать. Я хочу отомстить за отца. Матушка заплакала, перекрестила его и сказала: –С богом, сынок! Мы тебя будем ждать.

2

В районном городке уже действовал военкомат.

–Малец! Ты куда?

–Я уже взрослый! Мне семнадцать!

–Да-а... Солдаты нужны. Но сначала мы тебя прикрепим к полковой кухне, а не то тебя ветром унесёт. Ищи потом.

–Я в разведку хочу.

–Будет тебе и разведка!

3

Иван Дмитриевич воевал на украинском фронте. Был ранен. Победу встретил в Австрии, в Вене. Служил в разных войсках. Как и мечтал, стал разведчиком. В 1945 году поехал поступать в Каменец-Подольское военно-инженерное Училище. Грудь его украшало множество наград, в том числе ордена Славы второй и третьей степени, медаль «За отвагу». После окончания военного училища служил в городе Гродно, а затем в штабе округа, в городе Минске. В отставку ушёл в 1974 году в звании подполковника.

Иван Дмитриевич был совершенно замечательным человеком. Позитивный, добрый, весёлый, он был душой в любой компании. Жизнь так и была ключом, где бы он ни находился, с кем бы он ни общался. А какие золотые руки были у него! А какая светлая голова! Отремонтировать машину, смастерить мебель своими руками, приготовить что-нибудь вкусненькое для семьи, для друзей – у него получалось на загляденье. Свои умения он щедро передал детям и внукам. И обучал их не на словах, а на деле, на собственном, личном примере. В 2003 году Ивана Дмитриевича не стало.

Светлая память всем павшим, всем, кто прошёл эту страшную войну, кто ценой своих жизней, своих страданий избавил мир от фашизма.

ГЛОТОК ВОДЫ

*Встреча со студентами
Гродненского государственного электротехнического колледжа
им. И. Счастливого*

Доброго дня, юные друзья! Сегодня я обращаюсь именно к вам, представители юного поколения. Старшие, более искушённые в жизни, легко могут ответить на мой простой вопрос: «Что же такое счастье?»

Многие скажут, что это любимая работа, родные, близкие люди, домашний уют и защита государства, в котором нам посчастливилось жить. Наконец, это просто глоток чистой воды, который без особого труда мы можем получить, лишь открыв кран.

Нам повезло. Мы живём в краю, где в изобилии протекают реки и речушки, где поля и перелески чередуются с маленькими и большими озёрами. Это богатство нашей Беларуси. И это богатство охраняется законами нашего государства.

Известно всем: вода – основа жизни. Человек без воды не может прожить и нескольких дней. Недаром же когда-то глоток воды и счастье были равнозначны. Это познали защитники Брестской крепости, стоявшие насмерть, но не предавшие Родину, это пленники керченских и одесских катакомб, это солдаты, воевавшие под Сталинградом, выдавливающие последнюю каплю воды из своих фляжек для раненного товарища.

Мы знаем о многих, кто отдал жизнь за Родину, за родную землю, но не предал свой народ, не пожелал становиться рабами у отравленных идеями фашизма оголтелых политиканов и их приспешников. Вечная память павшим! Великое почтение народу, стеной ставшему на пути жадных, жестоких «зверей»!

Я родилась в Сибири. Это край больших полноводных рек, край озёр с живительной водой, которую мы пили просто так, не опасаясь.

Послевоенное время: бедность, разруха. Но никто не жаловался. ПОБЕДА – это было главное. Страна восстанавливалась, и только изредка наши родители рассказывали о военном лихолетье, особенно не вдаваясь в подробности.

В воздухе витала угроза войны. Это не понимали только маленькие дети. С Запада, у самых границ, бряцала оружием чёрная фашиствующая армада. На Востоке, отхватившая от Китая Манчжурию, устроившая жестокую резню в этих провинциях, поголовно уничтожавшая даже младенцев, вздыбилась, готовая наброситься на нашу Родину Япония.

Мой близкий родственник в сороковом году, как только ему исполнилось восемнадцать лет, был призван на срочную военную службу.

Таков был порядок. Все мужчины служили. Это было почётно. Почти каждый с гордостью говорил: я отслужил, отдал свой долг Родине.

Александр пожелал служить моряком. После прохождения курсов радистов получил назначение на Дальний Восток.

Желающих отхватить кусочек от восточных земель СССР всегда хватало, да и нарушителей границы было немало. Воды, богатые рыбой и живностью, привлекали браконьеров.

В давние времена, по царскому указу на берегах и островах восточных границ России, были выстроены форты – укрепления. Представьте такую картину. Голые скалы. Ни куста, ни деревца. Воды вокруг хватает, но это морская вода. Для питья она непригодна. На скалах – только травы, питаемые дождевой водой, да морские птицы жили здесь в несметных количествах.

Молодой моряк получил назначение на один из островов, прикрывающий часть морской границы. Задача: при появлении чужаков сообщать командованию флота и пограничным кораблям по радиации о нарушителях. Служба велась круглосуточно. Моряков не хватало. Но служба есть служба.

Наступил 1941 год. Война!

Морская пехота продолжала службу на островах, защищая восточные рубежи Родины. Японцы осмелели. Было множество провокаций: обстрелы с самолётов и проходящих японских катеров. Отвечать категорически запрещено. Допустить открытие Восточного фронта нельзя. Это понимал каждый матрос.

Снабжение продовольствием и главное, питьевой водой ухудшилось. Пограничный флот – на страже. Приказ быть готовым отразить любую агрессию со стороны Японии исполнялся неукоснительно.

С водой была беда. Приходилось собирать питьевую воду в выбоинах скал, капли с потолка бункеров, ржавую воду, скапливающуюся в частях старых морских катеров. Процеживали, кипятили, готовили на ней еду. Лучшую оставляли для чистки оружия и радиации.

А оружие и радиация всегда должны были быть в порядке. Шла жестокая война. Японцы усилили провокации. Приходилось отбиваться. На нашей земле им места не было. Так считал каждый моряк.

В 1943 году на место раненого радиста прислали совсем молоденькую девчушку. Она так же, как и бывалые моряки, стойко переносила тяготы службы. Никаких жалоб. Случалось, и оружие брала в руки, если приближались вражеские самолёты или катера. Часто, пренебрегая опасностью, матросы уходили в дальние бункера, чтобы собрать там немного воды для Машеньки.

Прошли годы. В августе - сентябре советские войска, переброшенные заранее тайно с западного фронта на восток нашей страны, в кровопролитных боях разбили японскую армию. Япония капитулировала. Наступил долгожданный мир.

Немало полегло советских солдат за освобождение китайских маньчжурских земель и за спокойствие наших восточных границ.

Южная часть острова Сахалин и почти все Курильские острова по договору отошли Советскому Союзу.

Все участники этих исторических событий были награждены медалями: «Победа над Японией».

Девчушка-радистка в 1945 году уехала к себе на родину, в деревню Красиловку Красноярского края.

Через полгода туда же по зову сердца отправился демобилизованный матрос, родом из города Иваново.

Жизнь продолжалась.

Дорогие юноши и девушки! Берегите свою страну, любите, уважайте, почитайте её. Помните о глотке воды, за который такое же юное поколение, как вы, отдавало свои жизни. Не отдавайте свою благословенную страну на поругание. Берегите Родину. Счастья вам!

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ТЫЛА

1

Таёжное село притихло. Да и некому стало шуметь. Даже вездесущие мальчишки и девчонки отсиживались по домам. Для веселья не было причин.

Осень сорок первого года. Шла суровая война. Отцы и старшие братья призваны в действующую армию. Старики, женщины, подростки, инвалиды составляли рабочие бригады.

В тайгу, где добывали для страны пушное золото, ушли неопытные охотники. Случалось, больше не возвращались. Вот и Василёк, братик семнадцати лет отроду, уже четыре месяца, как отправился за пушниной. Говорил, что далеко не пойдёт, что нет опыта... И вот сгинул. Мама горевала и носила чёрный платок. Папа – инвалид, потерявший ногу в тайге, чудом остался жив. Охотники нашли всего поломанного, принесли домой. Напоролся в тайге на медведицу с медвежатами. Теперь хозяйствовал только во дворе.

2

Надо было помогать стране. Для фронта, для восстановления вывезенных из западных областей предприятий нужен был лес. Лес необходим был и для строительства барачных лагерей. Сибирь. Суровые зимы. В палатках не проживёшь.

В деревне остались только подростки. Но в эту лихую годину кто смотрел на «нельзя»? Отцы и братья в эшелонах уже ехали на фронт. Семья Павловых осиротела после гибели старшего брата – Василька.

Председатель лесной артели хотел пройти мимо. В доме – шестеро по лавкам и все девчонки... Но всё же постучал в дверь.

– Ну что, Андрей Игнатьевич, как поживаете?

– Ты не темни, бригадир. Говори, что надо.

– Что ж тут говорить? Лес будем рубить. Собрали стариков две артели, да вот помощников бы ещё... Через бурелом, через снега брёвна даже лошади не потянут. Надо рубить ветки на месте. Ну что, девчонки, в бригаду помощниками пойдёте?

– Как не помочь! Конечно, пойдём. Только ведь нам годков не хватает.

– Что не хватает – это ничего. Главное, что вы – испытанные таёжницы. Лес знаете и не боитесь его, а годы – что? Это не помеха... Собирай, хозяин, под своё начало девичью артель. Будешь за главного. На лошади станешь передвигаться. Дадим. Одна нога, зато две руки. Да и дочкам будет веселее. На ближней заимке всё есть: и инструмент, и ружьё с патронами. На всякий случай. Вдруг зверь какой выйдет на вас?.. Продуктами обеспечим...

Лес будете вывозить на лошадях, а дальше – трактором на полустанок. Там уже ждут. Прости, Авдотья, забираю четверых. Остаёшься одна с двумя младшими. Да не реви ты...

– Старшей только шестнадцать исполнилось, а этим – ещё меньше.

– Ты молодец! Вон каких крепких девчонок вырастила. Не волнуйся. Я присмотрю за ними.

3

1942 год. 1943 год. 1944 год. 1945 год.

С фронта шли редкие солдатские письма – треугольники. Случалось, приходили и похоронки. Тогда головы матерей и жён покрывали чёрные платки.

А страна трудилась, не покладая рук, забывая, что когда-то были выходные, праздники.

Трудились и девчонки в таёжной глуши. Подрастающие юноши и девушки рвались на фронт. Кто-то уходил на передовую добровольцем. Девушки стремились стать медицинскими сёстрами. Но не всех отпускали. Кому-то надо было рубить лес.

4

1961 год. Молодая женщина стоит на просёлочной дороге. Рядом с ней – девочка десяти лет и два мальчика-погодка.

– Вот, мои дорогие, в войну, когда мне было четырнадцать лет, я вместе с сёстрами работала в бригаде лесорубов. Четыре года! Долгих четыре года!

Вот и камни, на которых стояла наша заимка – лесная избушка.

А на месте тайги вырос берёзовый лес. Тайги здесь уже никогда не будет. Всё съела проклятая война!

СВЕТ ВПЕРЕДИ

Поворот. А вот и свет туннеля, к которому мы все, кто здесь существует, работает, выживает, стремимся. Он, этот свет, ещё совсем слабенький, в виде точки, но я его вижу, я его ощущаю, он греет, он притягивает неудержимой силой, и я двигаюсь на его зов, на его притяжение вперёд, таща за собой вагонетку за лямки. Она тяжёлая, эта вагонетка, почти доверху наполненная породой, тянет меня вниз, назад, под уклон. Но отпустить я её не могу, не имею права, ослабить усилия невозможно, ведь сзади виснет Алёшка.

Алёшка мой друг детства, мой одноклассник. Вместе, по великому юношескому порыву, поступили в Ульяновское военное училище связи. Решили стать офицерами.

Мой отец и моя мама работали на почте. Разносили и развозили письма, газеты, журналы по окрестным деревням, по клубам, по колхозным управлениям. Часто, случалось, доставляли и важную корреспонденцию в больших пакетах под сургучными печатями. После этого в сёлах собирались собрания, проводились дополнительные работы по строительству или благоустройству. У управления часто раздавались песни под гармонь дяди Гриши. Петь у нас любили и умели. Знатной певуньей была моя мама. Отец ей всегда подпевал негромким задушевым баском.

Теперь ничего нет. Теперь за спиной железная вагонетка, заполненная чёрной породой и Алёшка, не толкающий её, а виснувший на заднем бортике. Он совсем слаб. Только бы добраться до этого спасительного света в конце тоннеля и будем жить дальше хотя бы до утра. А там, наверно, совсем другая жизнь. Ледяной дождь, палящее солнце или

снежная, секущая по глазам, спине, рукам, беспощадная, режущая крупа. А ещё колючая проволока в три ряда и измождённые ребята, не выдержавшие этой «прекрасной» жизни, которую пропагандировало с утра до вечера местное радио на ломанном русском языке, повисшие на электрических проводах добровольно. Их не убрали в назидание другим. И бесконечный рык голодных, огромных собак, так и ждущих выхода нас из глухого нутра этой жуткой, чёрной дыры – пасти подземелья. Они знают, это идёт их обед, если им посчастливится. А им обязательно посчастливится и они дружно, всей сворой, накинутся на одного из нас. И с громким чавканьем будут рвать на куски ещё тёплое, такое бессильное, беззащитное тело. Оно уже не сопротивляется, не стонет, только корчится, а потом затихает. И гоготанием теперь уже двуногих животных, сопровождается эта тризна смерти. Нет, я не дам им такой возможности глумиться над собой. Я всё выдержу. И Алёшку им не отдам. Ведь тогда, в знойных полях, он тащил меня на себе, потому что после удара прикладом по голове я потерял сознание. Лямка впилась в мои кости, но я шаг за шагом приближаю этот свет. Лёшка хрипит, но держится, держится.

– Лёшка, держись!– Сиплю я ему.

– Да-а –.... Слышу еле уловимый вздох.

Ульяновск. Центральная площадь. Июнь. Сорок первый год. Строй офицеров, курсантов, зрителей и родных. И мы, светящиеся не только новенькими лейтенантскими погонами, туго сидящими мундирами, с иголки, но и счастливыми лицами, стоим здесь, на празднике нашей жизни. Мы с Алёшкой учились хорошо, поступили легко. Родители и сельчане провожали нас всем селом, благословили на добрую службу. Вот и сейчас они здесь, на краю площади. Как же без них! И Томочка, моя Томочка вместе с ними. Совсем юная, черноглазая хохотунья в белом платье и яркой косынке на плечах дождалась меня, как и обещала. Но что это? Над головой проносятся грозный рёв моторов и тени. Вот они – железные птицы. Но почему на крыльях и хвостах вместо красных звёзд чёрные пауки? И что-то валится и валится с воем из их нутра. И эти жуткие взрывы! Кругом грохот, огонь! Там, где стояла цветастая толпа, только глубокие, рваные раны в земле. В сторонке, на гребне, распластался цветастый платок.

Я ничего не слышу, но вижу, как командир руками показывает и сам бежит в сторону от площади. Курсанты и мы, молодые офицеры, ринулись за ним уже не толпой, а строем. Идём в сторону станции.

Знаем – это война! Фашизм созрел и набросился на молодую советскую республику с остервенением. Пощады не будет.

Долго ехали под бомбёжками в вагонах на запад. Изредка чай и ломоть хлеба. Оружия нет. У командиров только личные пистолеты. Оружие обещали выдать в пути. Налёты, налёты, налёты! Выгружаемся. Продолжаем идти на запад среди хлебов по полевой дороге. Навстречу, волнами, беженцы на телегах, машинах, пешком. Жара. Воды нет. Оружия до сих пор нет.

И снова рёв моторов, теперь уже на земле, совсем рядом. Танки с чёрными пауками на бортах, механический лязг металла и пулемётные очереди.

А Томочка осталась там, в сорок первом. Я видел. Она жива. Я в это верю. Я вернусь, моя хохотунья к тебе.

Вот и выход.

– Алёшка, ты здесь?

– Да – а... – Слышу протяжный хрип и сбрасываю лямку. Держусь за ржавый край вагонетки и осторожно отталкиваюсь, чтобы не упасть....

– Томочка, ты не спишь? Ты не спи, не спи! Я буду рассказывать дальше. Ты слушай. Нас со всех сторон окружила толпа автоматчиков. И стреляли, стреляли. Подъехал высокий чин в чёрном мундире. Что-то крикнул громко. Лёшка знал немного этот гортанный язык.

– Прекратить! Нам нужны рабы. Каждому своё. Мы господа! Они – рабы.

В поле осталось лежать много наших ребят. Долгие переходы, переезды в вагонах для скота, лагеря, шахты. И свет в конце туннеля. Наконец, нас привезли к баракам. Их было много. Серые, приземистые, без окон, страшные бараки. Вдалеке высились каменные, чёрные терриконы с лебёдками на вершинах, тянущие вагонетки-игрушки. Совсем рядом с ними две высокие трубы, из которых валил коричневый, густой дым, разносящий по округе запах смерти.

– Свиньи, ваше место здесь. Работать двадцать часов в сутки. Подъём в пять. Ваше дело толкать вагонетки вверх и вниз. За побег – расстрел! За саботаж – расстрел! Болезнь – расстрел! – На ломанном русском языке объявил начальник лагеря.

Нам помогало местное население. Приносили немного еды и лекарство. Заболевших товарищей мы прятали в боковых штольнях. Фашисты боялись туда спускаться.

– Да, там мы старались выжить. Мы знали, что идёт суровая война, но есть Родина, которая нас покарает, но не оставит. Мы очень ждали Победы. Мы были уверены, что наша великая, могучая страна не встанет на колени перед этой чёрно – коричневой сворой, называемой фашизмом. И мы дождались!

– Томочка, ты не спишь? Ты не спи, не спи. Потом были те же бараки. Нас выхаживали местные немки, чешки, польки. Сначала отпаивали настоем трав, потом слабыми бульонами. Ведь последние две недели не было никакой еды. Я не мог умереть и Алёшке не дал. Мы держались. Заваривали древесную кору и ёлочную хвою. Сухарь делили на несколько дней, и пили горячую воду. Только бы увидеть мирное небо, только бы увидеть Победу, только бы увидеть тебя, Томочка.

Нет пока своего дома!? Это ничего. Силы уже прибавились.

Будет дом, будет семья, потому что есть наша страна, освободившая нас и простившая нас.

За что простившая?

А я не знаю!